

СВОЕОБЫЧНОЕ В РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ

ЧТО ДАЛА И МОЖЕТ ДАТЬ НОВОГО В МЕТОДОЛОГИИ РУССКАЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКА?

Развитие русского фольклора шло и идет во многом по иным путям сравнительно с развитием фольклора западного. Естественно, это не могло не отразиться и на методах изучения русского фольклора, на русской фольклористике.

Мы здесь постараемся выявить то новое, что дала русская фольклористика и чему от нее может поучиться европейский этнограф. Следует оговориться, что я буду отмечать только то, что найду нового в методологии русской фольклористики, по сравнению с теми методологическими достижениями, какие мы находим у европейских этнографов. Причем главным образом буду останавливаться на работах по фольклористике нового времени. В виду этого я позволю в своей статье пройти мимо ряда капитальных трудов крупнейших русских ученых. Я не буду о них упоминать, хотя и признаю всю ту колоссальную роль, которую они сыграли и в истории русской этнографической литературы и в истории фольклористики всех славянских народов. Я позволил себе не остановиться в своей статье на трудах А. Веселовского, Пыпина, Вс. Миллера, Потебни и др. еще и потому, что эти ученые, хотя и сделали крупные фактические открытия и внесли ряд новых деталей в методологию фольклористики, все же в основе своих исследований исходили из методологических предпосылок европейских ученых.

* * *

Русская фольклористика, прежде всего, сильно расширила собирательские задачи. Если в европейской науке до сих пор четко не поставлен вопрос о необходимости исследовательской

работы на местах, и если в Европе до сих пор, в большинстве случаев, собирателями материала являются местные диллеланты,¹⁾ то среди русских ученых этнографов создалась уже традиция самим непосредственно на местах собирать и изучать этнографические факты, и чем дальше, тем необходимость работы на местах вполне подготовленными учеными ощущается все больше и больше. И в докладах, и в резолюциях совещания этнографов Ленинграда и Москвы, происходившего в 1929 году, красной нитью проходит мысль о необходимости вести собирательско-исследовательскую работу вполне подготовленными учеными. Укажу, напр., на тезисы доклада Б. А. Куфтина: «Задачи и методы полевой этнологии». Вот какие требования предъявляются здесь собирателю: «Стационарная работа исследователя, необходимо, по специальности лингвиста, работающего кроме того в языках определенной группы, не может исчерпать ни теоретически, ни практически (в настоящих условиях) задач этнологического изучения этнически и культурно сложной страны, так как раскрытие хронологических формаций и их генезиса в пределах отдельного племенного образования, группы их или территории требует не только знания языка и истолкования самим племенем его культуры, но широкого сравнительного анализа, возможности которого обусловлена специальной и достаточной подготовкой исследователя в этнологии не только одной языковой группы, но более обширного культурного базиса. Без широкой подготовки в области сравнительной этнологии, знаний материальных, позволяющих ставить постоянно чисто конкретные задачи, даже долго живя среди чужой народности и зная ее язык, можно многое проглядеть».

Сравнительно недавно вышла статья известного русского фольклориста А. И. Никифорова: «К вопросу о задачах и методах научного собирания произведений устной народной словесности» (Известия Государственного Русского Географического Общества. Т. LX, 1928, в. 1.). Статья, с одной стороны, указывает на пробелы, оставленные русскими этнографами собирателями, с другой — ставит ряд новых заданий этнографу собирателю. В первой своей части автор, сам опытный собиратель, дает строгий анализ собирательской работы в России, указывая на недостатки отдельных русских сборников материалов и тех наблюдений, которые были сделаны собирателями-этнографами. Увы, мало найдется в европейской этнографии даже и таких сборников, которые так строго критикует Никифоров. Что касается второй, исключительно интересной части работы Никифорова,

1) Европейские ученые вроде проф. М. Мурко, которые не ограничиваются кабинетной работой, но ведут исследования и на местах, составляют счастливое исключение.

где ставятся новые задания собирателям и выискиваются новые методы для достижения этих заданий, то здесь, отдавая должное талантности автора, следует все же признать, что его труд мог возникнуть только в стране, где собирательская работа достигла большой разработанности и, я бы сказал, виртуозности.

* * *

Остановлюсь отдельно на рассмотрении изучения былевого эпоса, сказки, заговоров и лирической песни.

Начну с рассмотрения изучения русского былевого эпоса. То обстоятельство, что русский былевой эпос еще в течение почти всего XIX-го столетия жил полной жизнью, естественно, выдвинуло и особые задачи исследования. В первую очередь возник вопрос о выявлении тех условий, которые содействовали его бытованию и, наоборот, условий, которые препятствовали развитию и жизни былевого эпоса среди крестьян. Далее, возник вопрос об отражении личности сказителя в былевой поэзии. Обследование жизни русского былевого эпоса повлияло на исследователей другого былевого эпоса, еще бытующего в Европе, а именно югославянского. Детальное обследование югославянского эпоса, проделанное проф. Мурко, несет на себе следы влияния русских исследователей.

Русским исследователям — Рыбникову, Гильфердингу, Маркову, Ончукову, Григорьеву, бр. Соколовым и другим, работавшим непосредственно по собиранию и обследованию на месте жизни былевого эпоса, удалось добиться ряда крупных результатов. Подведем итоги главнейших достижений их исследований:

1. Была выяснена степень тех видоизменений, которые может внести в былинку отдельный сказитель.
2. Удалось установить определенные школы сказителей.
3. Были установлены отличия былин по различным районам (Олонецкие былины, Архангельские былины, былины средней России, казачьи былины, сибирские былины и др.).
4. В последнее время (в работах бр. Соколовых и Астаховой) были установлены законы, которым подчиняется былевой эпос при своем умирании.
5. Ряд интересных наблюдений был сделан в музыкальной и ритмической стороне былин, наблюдений, проделанных не только на печатном материале, но и во время самого «сказывания» былин.

Я здесь остановился только на той части исследований былевого эпоса, которая была проделана не в кабинете исследователей, а при слушании сказителей и наблюдении над ними. Из работ теоретического характера надо отметить книгу Скаф-

тимова, вносящую ряд оригинальных черт в методологию изучения эпоса. Результаты, добытые русскими учеными при непосредственном изучении жизненных процессов, в своем единственном, русского былевого эпоса, помогут многое разгадать в эпосе мертвом — греческом, французском, германском и др.

Теперь, по утверждению современных исследователей былевого эпоса, русский былевой эпос быстро умирает. Мы присутствуем при последних минутах его жизни.

Отдавая должное исследователям русского былевого эпоса, следует все же сознаться, что на изучение его не было обращено должного, как он того заслуживает, внимания. И как раз недостаточны были исследованы творческие процессы еще до недавнего времени жившего полной жизнью былевого эпоса. К сожалению, время упущено и уже многого не вернуть. Между тем, сколько нового света в изучение эпоса вообще, в частности эпосов умерших, в изучение эпоса новые наблюдения над творческими процессами русского былевого эпоса!

Так до сих пор не выяснено вполне, насколько самостоятельны были в своем творчестве сказители былин. Кое-какие намеки и указания по этому вопросу мы встречаем, но детальной, подробной работы так и не появилось. Но, может быть, еще не все потеряно; ряд наблюдений, сделанных недавно Астаховой и экспедициями под руководством Бориса и Юрия Соколовых, над умирающим русским былевым эпосом, показывают, что и при умирании эпоса кое-что можно будет выяснить о его жизненных творческих процессах.

Мы считаем, например, исключительно ценным наблюдение Астаховой, опубликованное в книге «Искусство севера» (1927), что «при передаче разлагающейся былины с чисто прозаическим складом речи замечается стремление удержать подобие былинной конструкции стиха при помощи дактилических окончаний, которые достаточно четко разграничивают речь на такты — подобие стихов». Астахова приводит пример такой прозаической былины:

Удалая поленица ехал дорогою, раздумался:

«Приеду я, говорит, в царство Лотаринское,

Чем я там похвастаю.

Съездил в Киев град и привезу поклон от побратима матери».

Астахова приводит целый ряд таких интересных примеров. Все они четко указывают на различие сказителями формальных особенностей былины и на применение и самостоятельное использование их. При попытке создать былинку сказитель

стремится «удержать самые общие ритмические рамки, в пределах которых свободно творит, правда, частью из привычных оборотов, *новый текст*». Далее приводится еще более интересный пример: «Марья Кириковна Сарафанова, внучатая племянница Ивана Трофимыча Рябина, давно не певшая былины о Дюке, Марья Кириковна совсем ее забыла. Она по частям стала припоминать содержание, восстанавливая общую повествовательную схему, и сейчас же, тоже по частям, оформляла ее в стихах. Таким образом, мы присутствовали при любопытном моменте воссоздания совсем позабытой былины при помощи хорошо удержанных в памяти былинных образов и готовых былинных формул... Припоминание, в данном случае, было не механическим, а творческим, причем эта создававшаяся на наших глазах былина свидетельствовала о прекрасной, чистой традиции. Хотя, правда, ряд эпизодов был пропущен, былина сокращена, конец так и не удалось вспомнить, но в общем былинный стиль и ритм сохранились были в чистоте».

Приведу несколько строк этой восстановленной былины:

Только видли они молодца тут сядуци,
Яй не видели они молодца поехавши.
Как ведь бурушка-кавурушка поскакивал,
Ай маленький-косматенький проверчивал,
С горы на гору, да с холмы на холму,
Все реки то ведь озера между ног спущал.

Мы считаем также очень интересным и продуктивным наблюдение Астаховой о совершенно определенном стремлении нынешних сказителей былин к ускорению самого темпа повествования — в противоположность медлительному развертыванию действия в былинах старой записи.

Все наблюдения последнего времени, как нам кажется, настоятельно требуют пока еще не поздно в ускоренном темпе изучить психологию поэтического творчества сказителей. В самом спешном порядке должны быть произведены наблюдения на местах, как над самой техникой творчества, так и над поэтическим осмыслением отдельных стилистических приемов сказителей. Приведу здесь небольшую анкету с вопросами, которые, нам кажется, необходимо уяснить в самое ближайшее время.

Чем объясняет сказитель необходимость вводить в старины не практический разговорный язык, а особый поэтический, былинный?

1) Чем объясняет он, в частности, употребление в былинах архаизмов: в слове, в морфологических формах, в синтаксисе, в лексике и т. д.

2) В каких случаях сказитель считает возможным заменять

архаистические слова новыми, взятыми из современной поэзии, или из языка практического.

3) В какой мере осознает сказитель ритмическую структуру старин.

а) Как точно он воспроизводит ритмическую былинную структуру в новых, им создаваемых, строках или комплексах строк.

б) Какие факты структуры им наиболее осознаются и безошибочно воспроизводятся.

в) Какие факты уже не осознаются.

4) Какую эстетическую значимость придает сказитель былинной мелодии.

а) Что считает он более эстетическим: петь былинку или пересказывать прозой.

б) Какую мелодию сказитель считает интересной и ценной: мелодию былин, лирических песен, плясовых и т. д.

в) Как расценивают те же самые мелодии старики и молодежь.

5) Как расценивает сказитель былинку по сравнению со сказкой. (Ряд наблюдений по этому вопросу был уже сделан прежними собирателями).

Вот несколько вопросов, выяснение которых на месте исследователями русского былевого эпоса я считаю необходимым. Конечно, они ни в коей мере не исчерпывают всех проблем, которые стоят перед исследователями ныне умирающего былевого эпоса, и которые сами по себе возникнут при непосредственном наблюдении на месте бытования русского эпоса.

Нам хотелось бы подчеркнуть, что исследователи законов бытования и творческих процессов русского былевого эпоса находятся в исключительно выгодных условиях. Они не только могут производить свои исследования над жизнью русского былевого эпоса, но и проверять их на эпосе других народов Евразии. Нет в мире другой страны, где было бы столько эпосов, как в России. Эти эпосы развивались и развиваются в различных культурных условиях, имеют разную поэтическую традицию, различна и сама форма исполнения: в сопровождении музыкальных инструментов и без такового и т. д. и т. д. Все это позволяет русскому исследователю проверять и обобщать свои выводы, добытые на изучении материала русских былин. Многие, что в русском былевом эпосе только намечается, встречается только в эмбриональной форме, в эпосе других народов Евразии выявлено более ярко и систематически. Стоит, например, только сравнить намечающийся параллелизм русских былин с систематически проводимым параллелизмом в финском эпосе, скажем, например, эпосе корелов. Нам кажется, что ограничиваясь

только изучением былевых эпосов, в настоящее время бытующих в России, можно будет почти безошибочно установить законы былевой поэзии вообще.

Далее изучение живого былевого эпоса у различных народов Евразии (а не только у русских) позволит нам решить вопрос, поднятый Никифоровым в упомянутой выше статье (стр. 92-93), насколько крестьяне исполнители былин (то же касается исполнителей сказок и песен) являлись и являются только хранителями былин, насколько их творцами.

* * *

Русским ученым принадлежит заслуга постановки самого вопроса о необходимости наблюдения над исполнителями фольклора. В этом русская наука оказала сильное влияние на европейскую фольклористику.²⁾ Наиболее ценными и детальными являются материалы о наблюдении над сказочниками. Мы имеем довольно большой материал о манере исполнения сказок и ряд подробных биографий сказочников (всего в русской фольклористике составлено около 200 характеристик сказочников). Вспомним, например, выпуклые биографии сказочников, напечатанные в сборнике братьев Б. и Ю. Соколовых: «Сказки и песни Белозерского края» 1915 г., детальную монографию Гринковой, посвященную биографии одной сказочницы,³⁾ подробные характеристики сказочников, сделанные Азадовским, с записями почти всего сказочного репертуара характеризованных сказочников,⁴⁾ и др. Следует подчеркнуть, что в вопросе о задачах собирания русская фольклористика не останавливается на одном месте, но все время движется вперед. Ставятся новые задания, ищутся новые методы для более успешного достижения поставленных задач.

В области теоретического изучения русских сказок мы имеем ряд ценных вкладов, сделанных русскими последователями мифологической школы (Афанасьев и др.) и школы заимствования (А. Веселовский и др.). Интересна статья Всеволода Миллера, написанная в духе антропологической школы. Наконец,

2) Проблема изучения носителей фольклорного творчества в самое последнее время начинает привлекать внимание европейских ученых (Ulrich Jahn, Wisser, Berendsohn). Подробнее см. у проф. Б. М. Соколов. Русский фольклор. Вып. II. Сказки, стр. 21.

3) Н. П. Гринкова. Сказки Куприянихи. Художественный фольклор. I. М. 1926.

4) Марк Азадовский. Сказки верхнеленского края. Сказки Натальи Осиповны Винокуровой. Изд. Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества. Иркутск. — Mark Azadovskij. Pohádky z hornolenského kraje. «Národopisný věstník československý», Roč. XXI.

отметим капитальные работы Андерсона и Андреева, написанные по методу финской школы. Но наиболее оригинальными работами в деле изучения сказок нужно признать недавно вышедшие работы о сказке, написанные по методам русской школы формалистов. Русские формалисты, занимающие первое место в области изучения поэтики литературных произведений, после выхода работ Волкова, Проппа, Шкловского и Никифорова занимают первое место и в области изучения поэтики сказки. Очень ценным является предложение А. И. Никифорова изучать сказку как синкретическое произведение, состоящее из слова и драматического действия (см.: Народная детская сказка драматического жанра. Сказочная Комиссия в 1927 г.).

Наметим ряд заданий, которые, по нашему мнению, стоят перед собирателями сказок.

1. Прежде всего надо выяснить, по каким признакам различает сказочник собственно сказку от рассказов исторического характера, от рассказов о сверх-естественных событиях, от рассказов из жизни своего или соседнего села и т. п.

2. По каким признакам различает сказитель отдельные жанры внутри самой сказки: фантастические сказки от анекдотов и т. п.

3. Какие изменения (в стиле, в сюжете и т. д.) сказочник считает возможным вводить в сказку и какие нет.

Далее является существенным вопрос, в чем состоит оригинальность русских сказок, в чем отличие их от европейских и нет ли связи русской сказки со сказками других народов Евразии.

На некоторые из поставленных нами вопросов уже сейчас можно дать ответы. Проф. Поливка в своей работе «Uvodní a závěrečné formule slovanských pohádek», «Národopisný věstník československý», Roč. XIX-XX, говорит следующее:

«Те же самые типические и своеобразные вводные формулы (зачины) находим как в великорусских, так в белорусских сказках, а также в малорусских (украинских), т. е. записанных на Украине, в собственном смысле этого слова, не в малорусских сказках, записанных за границами бывшей русской империи. По этим причинам не будем особо разбирать вводные формулы (зачины) каждого отдельного племени, но объединим их под одним заглавием» (стр. 2, Roč. XIX).

Далее: «Сравнение запаса сюжетов русских сказок с указателем Аарне-Андреева привело (Н. П. Андреева) к выводу, что русский сказочный материал из 915 типов (или 1.021 вариаций) знает 613 типов (683 вариации). Одна треть всех типов международного каталога является для русского материала и западно-европейского общим (317 типов, с вариациями 327),

треть сюжетов (302 типа, с вариациями 338) в русском материале совсем не встречалась, зато треть сюжетов (296 типов, с вариациями 356) является специфической особенностью русского сказочного репертуара и совсем неизвестна Западной Европе».⁵⁾

Наконец, М. Азадовский в конце книги «Сказки Верхненского края», В. 1. пишет: «В заключение — одна поправка. Я указал в предисловии, в качестве одного из существенных факторов в жизни и развитии русско-сибирских сказок, влияние фольклора туземных племен. Но при этом я добавил, что в записанных мной текстах и материалах этих влияний я не мог обнаружить. Приходится сознаться в поспешности последнего замечания. Дополнительные изучения приводят меня к необходимости признать следы этого влияния и в записанных мной текстах, в частности, и в сказках Н. О. Винокуровой. Впрочем, этому вопросу намереваюсь я посвятить особую статью» (стр. 137).

Насколько нам известно, эту исключительно интересную по теме работу М. К. Азадовский еще не опубликовал.

Встает вопрос, ограничивается ли это взаимовлияние и сходство в сюжетах и форме сказок только определенным географическим пространством (например, простирается на сказку сибиряков-русских и соседящих с ними националов) или простирается в некоторых сказочных сюжетах или целых родах сказок на все народы Евразии.

* * *

Одной из наиболее разработанных и обследованных областей русского фольклора являются заговоры. Богатый и разнообразный материал и его крупное влияние в жизни русского крестьянина содействовали тому, что в России не только было собрано большое количество заговоров, но этот материал был тщательно и детально разработан.

Начну с истории изучения заговоров. Прочитую здесь слова одного из видных исследователей русских заговоров Познанского: работа Сахарова «Сказания русского народа» (1841) была «первая (по изучению заговоров) не только у русских, но кажется и в Европе. Конечно, существовали исследования демонологов и даже на целые столетия раньше; но так широко поставил вопрос, привлекая к делу чисто народный материал, впервые Сахаров. Несмотря на все свои недостатки, которые в

5) Цитирую по книге проф. Б. М. Соколова. Русский фольклор. Вып. II. Сказки. Стр. 13. Подробнее — Н. П. Андреев. К обзору русских сказочных сюжетов. Художественный фольклор. II-III. М. 1927.

настоящее время были бы никому не простительны, работа Сахарова была крупным явлением в свое время. Вспомним, что в 30-х годах было не только у нас, а и на Западе. Во Франции еще в 1886 году в журнале «Мелюзин» была помещена статья о суеверии, которую автор, приводя два старинных заговора, заканчивает словами: «Такие формулы, без сомнения, существуют в большом числе. Когда же возьмутся за мысль собирать и сравнивать их?» Собирайте то французы скоро стали, хотя и очень вяло; но когда они будут их «сравнивать», этого и теперь все еще приходится ждать» (Познанский. Заговоры, стр. 12).

Вскоре после Сахарова появилась работа, посвященная заговорам, Дала. Вот какие вопросы были поставлены на очередь первыми русскими исследователями заговоров: 1. Место и время происхождения заговоров, 2. пути их распространения, 3. степень национального элемента в них, 4. отношение заговоров к поэзии, 5. смешение христианских и языческих представлений, 6. морфология заговоров, 7. отношение заговоров к гипнотизму.

Обозревая богатую литературу, посвященную изучению русских заговоров, мы видим, что в ней детально разрабатываются вопросы, поставленные первыми исследователями.

Особенно много внимания уделяли русские исследователи морфологии заговоров. Здесь следует выделить работы Н. Крушевского, А. А. Потебни, Ф. Ф. Зелинского, А. Н. Веселовского, Е. Н. Елеонской и, наконец, Познанского.

Обилие материала содействовало тому, что каждый новый исследователь легко мог найти ряд новых черт в русских заговорных формулах. Мало того, обилие все прибывающего и прибывающего нового материала нередко заставляло одного и того же исследователя (напр., Потебню) менять с течением времени свою точку зрения относительно заговоров.

Русские заговоры привлекали к себе внимание и иностранных исследователей. Из них в первую очередь нужно упомянуть финского слависта Мансикку, выпустившего целый ряд работ о русских заговорах.

Как ни много было сделано русскими учеными в деле изучения заговоров, все же это является лишь небольшой долей того, что еще предстоит сделать и чего настоятельно требует этот исключительный материал.

Намечу ряд неотложных заданий, которые стоят перед будущими исследователями заговоров. Как и выше, в первую очередь укажу здесь на те задачи, которые необходимо выполнить изучая самую жизнь заговора, работу, относящуюся к области кабинетной, а полевой этнографии.

Одним из первых заданий является установить, в какой

степени осознается эстетическая функция заговоров и в какой функция формул, имеющих заданием «заговорить» болезнь, затем, в какой координации находятся между собой эти две функции.

В частности, что касается эстетической функции заговоров, то, несмотря на большое внимание, которое было посвящено морфологии заговоров, до сих пор еще не проделан не только исчерпывающий, но и более или менее полный формальный анализ заговоров. Далее, в композиции заговоров, в их стилистике мы встречаем целый ряд сходных черт с эпической и лирической песней и со сказкой; встречаем отдельные места прямо заимствованные из различного рода произведений народной поэзии. Перед исследователями стоит задача выяснить, в какой степени осознается крестьянами сходство заговоров с другими видами фольклора, носящими чисто эстетическую функцию. Но и независимо от эстетического восприятия поэтики заговоров и отличия от восприятия крестьянами поэтики заговоров и отличия русского фольклора, надо проанализировать стилистику заговоров и указать, в чем заключается формальное сходство и отличие этой стилистики от стилистики других родов фольклора.

Другим актуальным заданием является вопрос, в каком направлении идет в настоящее время, а где можно установить, шло прежде видоизменение заговоров: их сокращение, увеличение, мена стиля и т. п.

Третьим насущным вопросом является установление, в какое отношение крестьяне ставят заговор к христианским верованиям, в частности — к молитве. Считается ли, например, прибегать к помощи заговоров богопротивным делом (может быть только некоторых заговоров), или нет. Если да, то какие извиняющие для себя обстоятельства находит религиозный крестьянин, которые позволяют ему исполнять это богопротивное дело.

Вопрос о функции заговоров, как гипнотического средства воздействия, не раз поднимался в русской литературе, но далеко еще не разрешен. Между тем, время не терпит и необходимо в самом спешном порядке научно обследовать этот вопрос не только специалистам этнографам, но и врачам-психиатрам. Ведь нигде в Европе не найти такого богатого материала, который позволит приоткрыть завесу в деле познания «примитивного» мировоззрения. И нигде психиатрам не найти стольких ярких примеров воздействия «силы слова» в области гипнотизма.

Остаются до сих пор не выясненными также вопросы о роли магического действия, сопровождающего заговор, и о силе в заговоре самоценного слова.

До самого последнего времени, сравнительно с другими областями народной словесности, мало уделялось внимания изучению бытования русской народной лирической песни. Больше всего пострадала частушка (ср., напр., Сборник частушки под ред. Елеонской). Сравнительно недавно вышла интересная работа о бытовании частушки Зеленина и ритмический разбор частушки Трубецкого. Первая работа особенно ценна тем, что в ней дается ряд наблюдений над жизнью частушки, проделанных таким опытным этнографом, как Зеленин, на протяжении нескольких лет; вторая работа устанавливает, что ритм частушки является одним из самых древних песенных ритмов. — Ряд ценных наблюдений над жизнью лирической песни был сделан за последнее время в районе Шунгского полуострова Колпаковой (опубликованы в книге «Искусство Севера»).

«Новый материал, говорит Колпакова, дает возможность наблюдать в старой песне признаки эволюции ее прежних форм. Для старой народной песни эта эволюция в большой мере сводится к дегенерации» (стр. 127).

Основной особенностью нового текста является его явная тенденция к укорочению.

1. Песня плясовая, подчиняясь продолжительности танца, может разветвляться до бесконечности, но песнь непосредственно лирическая нередко теряет в своем новом тексте целые куски, преимущественно окончания.

2. Иногда укорачивание идет не такими большими кусками, а лишь путем выбрасывания отдельных строк в разных местах песни.

3. Третий способ сокращения — отмена троекратных повторений, обычных в старых текстах.

Сообщая песню, где повторяются одни и те же вопросы и ответы об отце, о матери и братьях и, наконец, о милом, одна из девушек, сообщив вопросы и ответы об отце, сразу перешла к милому, но заметила: «Надо бы еще про маменьку да про братца, да уж гораздно долго будет. Мы так поем».

Исключительно ценными являются наблюдения над теми местами, где эволюция песни повела к основному ее изменению.

Так приводится песня, которая представляет собою отрывок из песни более длинной, у которой взят один лирический момент и помимо его повествовательного окружения, которое совершенно откинуто, оформлен в самостоятельную короткую но лирически более насыщенную песню.

К сожалению, Колпакова не дает детального анализа этой лирически более насыщенной песни.

Интересно наблюдение, произведенное Колпаковой над песнями, составленными из двух или нескольких. При составлении этом, по наблюдению Колпаковой, замечается стремление объединить в смысловом отношении эти две песни в одну. Исключительно важными наблюдениями считаем мы, что «портится» текст песни именно в последние 12-20 лет: нередко песня, записанная Шейном или Соболевским, переходит к Соколовым почти неизменной, а от Соколовых к нам — уже в совершенно порой неузнаваемом виде, хотя записаны все варианты не в очень удаленных одна от другой местностях и хронологически расстояние между третьей и второй записью меньше, чем между второй и первой.

Большой интерес представляют отмеченные факты приспособления печатного текста к потребностям деревенского вкуса. Я здесь привел ряд интересных наблюдений, сделанных Колпаковой над жизнью лирической песни в наше время, наблюдений, которые, по нашему мнению, являются ценными не только для изучения эволюции и жизни современной лирической русской песни, но также и для построения гипотез об эволюции лирической песни вообще.

Конечно, все это является только первыми попытками к изучению бытования лирической песни, и на очереди стоит ряд новых вопросов, на которые можно будет дать ответ только при непосредственном дальнейшем изучении лирической песни.

Намечу эти вопросы.

Так, нам кажется, было бы весьма важно изучить, какие куски или отдельные строки в песне выбрасываются, а затем выяснить у самих певцов, чем объяснить то, что отдельные места из песни выбрасываются. Мы вполне понимаем, что в каждом отдельном случае не так легко добиться толкового ответа. В этом отношении интересно замечание Колпаковой: «Само собой разумеется, что происходит это (приход более динамичных жанров) совершенно бессознательно для самих исполнителей: когда после первых знакомых слов песни, неожиданно для нас начинался новый текст, мы по окончании песни спрашивали иногда песенницу — не знала ли она когда-нибудь другой песни, которая начиналась бы с таких же слов. Ответ обычно был неизменным: «Иначе эта песня никогда не пелась».

Мы считаем очень полезным и важным произвести опрос исполнителей песен, сложенных из двух или нескольких песен, особенно такой сложной песни, в которой слияние двух песен в одну окончательно не произошло, и даже видно противоречие конца и начала песни. Следует выяснить, как объясняет исполнитель песни это странное соединение.

1. Играет ли тут роль схожее содержание или, по крайней

мере, общие настроения двух песен (мы имели бы случай построения по сходству сюжетов),

2. Или, может быть, это соединение объясняется контрастом двух половин песни (в этом случае мы имели бы построение по контрасту).

Исключительно интересно выяснить вопрос не только — как, но и почему заменяются отдельные места песни другими, приспособившись к вкусам деревни. Можно было бы, например, исполнителям прочесть печатный текст песни, взятой из песенника, и из опросов выяснить, почему они видоизмененные места предпочитают исконному тексту.

В изучении жизни и бытования лирической песни нам кажутся наиболее актуальными следующие проблемы:

1. Изучение эстетического восприятия различных жанров лирической песни: а) протяжной, б) романса, в) плясовой и др. — Изучение, какая эстетическая ценность придается каждому из этих жанров, как сильно и по каким признакам различается каждый жанр.

2. В каком соотношении живут у одного и того же исполнителя песен несколько жанров: какое эстетически-функциональное значение придается каждому из этих жанров.

3. Попытаться определить, на какие группы разбивается население деревни (скажем — старики, молодежь, дети, или — группа крестьян, более затронутая веяниями города и затронутая этими веяниями меньше) и затем уяснить, какой жанр лирической песни предпочитает каждая группа.

4. Насколько допустимым считается вводить стиль одного жанра в другой. Совершается ли это сознательно или, может быть, хотя теоретически это считается недопустимым, но на практике все же бессознательно совершается.

5. Изучение обрядовой лирической песни должно идти рука об руку с изучением обрядов. Здесь прежде всего следует изучить, какое функциональное значение имеет в каждом отдельном случае обрядовая лирическая песня: несет ли она функцию ритуальной поэзии или только функции эстетической.

Исключительно ценные результаты могут дать наблюдения над частушкой. Эти наблюдения могут многое разъяснить не только в эволюции этого жанра, но и вообще лирической песни, а иногда даже и всего народного творчества.

Следует наблюдать, в чем, в каком направлении и в какой мере допускаются изменения в частушке:

1. Замена одного ритма другим.
2. Замена одной мелодии другой, более старой или более новой.
3. Замена одних слов другими.

Чем объясняются эти замены, можно отчасти узнать из распросов самих исполнителей песен, вносящих эти изменения в текст:

а) в какой мере замена старых слов новыми допускает изменение ритма всей частушки,

б) какое эстетическое впечатление производит замена старых слов новыми,

в) какие категории слов чаще изменяются,

г) в частности, в каких частушках наиболее часто происходит эта замена: лирических или сатирических, и т. д.

Установить принципы, по которым из частушек нанизыванием одной на другую создаются длинные песни:

а) идет ли нанизывание по сходству содержания,

б) по контрасту.

* * *

Одной из актуальнейших проблем современной русской фольклористики является задание определить место русской народной литературы, народных верований, а также и предметов материальной культуры в кругу факторов материальной и духовной культуры народов, окружающих восточных славян с запада и с востока. Уже и прежние исследователи русской этнографии, конечно, не могли пройти мимо сходных этнографических фактов, встречающихся у русских соседей. Стасов, Потанин, Вс. Миллер («Экскурсы») и др. пытались генетически связать русский эпос с эпосом восточным. Александр Веселовский, Жданов и др. и их последователи искали этой генетической связи на западе. Во всех докладах и резолюциях вышеупомянутого совещания этнографов Ленинграда и Москвы в 1929 г. красной нитью проходит требование о необходимости детального изучения этнографии, помимо восточных славян, также других народов Евразии. В работах крупнейшего русского этнографа Д. К. Зеленина мы все время видим стремление связать изучение русского фольклора с фольклором других народов Евразии. Многие непонятное в нынешних русских народных верованиях Зеленин в «Очерках русской мифологии» (1916 г.) объяснял с помощью верований русских соседей — финнов. В своем капитальном труде «Russische (ostslavische) Volkskunde» Зеленин то там, то здесь, для разъяснения отдельных мест в русской этнографии, прибегает к материалу других народов Евразии. Но из всех работ, посвященных изучению русского фольклора совместно с изучением фольклора других народов Евразии, надо поставить на первое место работу Зеленина: «Табу слов». Работа эта интересна не только по обширному ма-

тералу, охваченному ею, но и по ряду принципиальных выводов, сделанных на основе этого материала. Одно из основных положений Зеленина, что само определение табу слов у народов Евразии отлично от определений этого понятия во внеевразийском мире, показывает всю важность изучения фольклора Евразии как самостоятельного целого, имеющего свои задачи и могущего привести к своеобразным выводам. Упомянутые и использованные проф. Зелениным русские работы, посвященные этнографии народов Евразии, показывают, как много нового может найти европейский этнограф в русских работах по изучению народов Евразии. Для этнографа, ознакомившегося с книгой Зеленина, станет, между прочим, актуальным вопрос о необходимости изучения русского языка. Без знания русского языка этнографу, занимающемуся так называемыми примитивными народами, недоступна большая русская этнографическая литература, посвященная изучению народов Евразии. Нам кажется, что интересы этнографии настоятельно требуют скорейшего перевода труда Зеленина на один из европейских языков, чем была бы дана возможность всем европейским ученым ознакомиться с богатством русского материала, подобранного Зелениным хотя бы только по одному вопросу — о табу слов. Труд Зеленина является блестящим доказательством того, какие новые достижения могут быть сделаны в этнографии при изучении Евразии, как единого целого.

Мы наметили здесь, что нового внесла русская фольклористика в методологию изучения отдельных родов русского фольклора. В наших беглых фрагментарных замечаниях все же можно нащупать ряд общих тенденций, которые проходили красной нитью в русской фольклористике.

Это стремление, во-первых, не только исторически, но и синхронически подойти к изучению фольклора, во-вторых — подойти к структуральному изучению фольклора. Ясно намечается тенденция отказа от атомизирования фольклорных фактов, и в замен ему идет, может быть не всегда ясно выраженное, но проводимое на практике структуральное изучение фольклора. Текст былин и сказок изучается не сам по себе, в отрыве от исполнителей, от исполнения, от аудитории и т. д., а в совокупности со всеми этими факторами. Уже в сборнике братьев Б. и Ю. Соколовых, вышедшем в 1915 г., ясно выявлена мысль, что одна запись сказки не может дать представления о рассказанной сказке. Сказка это текст плюс сказ (декламация) сказителя, плюс мимика и жест сказителя, плюс участие публики (реплики и т. п.) и др. Специально занимающаяся вопросами искусства «сказа» И. В. Карнаухова подчеркивает, что при изучении манеры сказывания сказа нужно принимать во внимание:

а) сказочника, б) материал (саму сказку), в) исполнение и г) аудиторию. *)

Проф. Никифоров в статье «Народная детская сказка драматического жанра» (Сказочная Комиссия в 1927 году) формулирует: «Произведения народной словесности — не литература, которая пишется писателем молча за столом и читается читателем тоже молча за столом. Наоборот сказка, песня, былина и т. д. прежде всего произносятся, бытуют только устно, живы тогда и до тех пор, когда и пока произносятся. Текст сказки без учета его исполнения — труп. И изучение этого трупа дает понимание анатомии сказки, но не жизни сказочного организма... Для фольклориста сказка обязательно должна быть чем то более сложным, чем только записанный собирателем текст».

Обе замеченные нами тенденции (статическое и структуральное изучение) русской фольклористики созвучны пафосу современной науки, и русская фольклористика может быть горда тем, что она одна из первых сделала шаги в этом направлении.

Нарва

Иван Савельев

Библиографическое примечание

- Книга *Скафтымова*, упомянутая на стр. 67-68, называется «Поэтика и генезис былин». Очерки (Москва-Саратов 1924).
- Обширный материал (40 печатных листов), собранный экспедициями *Бориса* и *Юрия Соколовых* (стр. 68), производившими обследование эпической традиции в областях собирательской деятельности Рыбникова и Гильфердинга, к сожалению, еще не напечатан.
- Работа о частушке *Д. К. Зеленина* (стр. 76): *Das heutige russische Schaderhüpfel (častuška), Zeitschrift für slavische Philologie*. V. I. No 3-4. 1924.
- Упомянутая там же (стр. 76) работа *Н. С. Трубецкого*: *Ометрике частушки*, помещена в журнале «*Версты*» № 2. Париж. 1927.
- Труд *Д. К. Зеленина*: Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии (стр. 79-80), появился в «Сборнике музея Антропологии и Этнографии». Т. VIII-IX.
- Упомянутый на стр. 80 сборник братьев *Б. и Ю. Соколовых* 1915 г. зовется: «Сказки и песни Белозерского края».

6) Цитирую по книге *Б. М. Соколова*. Русский фольклор. . ПИВ, стр. 35. — Статья *И. В. Карнауховой*: «Наблюдения над исполнением народной сказки». Печатается в жур. *Художественный фольклор*. V. VI-VII. М. 1930.